



НАСЛЕДИЕ ОБЫЧНОГО ПРАВА В РУССКОЙ ПОСТСОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Аннотация. В статье рассматривается комплекс обычно-правовых коммуникаций в русской постсоветской деревне с точки зрения преемственности традиции. Автор приходит к выводу, что специфика механизмов социальной коммуникации в сельской среде заложена как самим характером земледельческого труда, требующим коллективного участия в нем, так и всем укладом деревенской жизни, покоящимся не на законодательных нормах, а на обычаях / традициях – на коллективном опыте устного регулирования и разрешения разных проблем деревенской жизни. Неформальные и по большей части не фиксируемые в письменном виде, но имеющие нормативно-правовую основу соглашения и обязательства растворены в привычной для сельчан повседневности. Их соблюдение сопровождается набором специфических норм и установок, знание которых формируется в атмосфере и в результате постоянного общения в среде длительного совместного проживания.

Ключевые слова: русская деревня, обычай, традиция, землепользование, неформальное право, соционормативные коммуникации.

Abstract. The article examines the complex of customary legal communications in the Russian post-Soviet village from the point of view of the continuity of tradition. The author comes to the conclusion that the specificity of the mechanisms of social communication in the rural environment is laid down both by the very nature of agricultural labor, which requires collective participation in it, and by the whole way of village life, which rests not on legislative norms, but on customs / traditions, - on the collective experience of nonwritten regulation and solution of various problems of village life. Informal and for the most part not fixed in writing, but having a legal basis, agreements and obligations are dissolved in the everyday life familiar to villagers. Their observance is accompanied by a set of specific norms and attitudes, the knowledge of which is formed in the atmosphere and as a result of constant communication in an environment of long cohabitation.

Key words: Russian village, custom, tradition, land use, informal law, socionormative communications.

Публикуется в соответствии с планом НИР «Народы России в современном мире. Этнокультурное и этнодемографическое развитие» № 0177-2019-0001

Крюкова Светлана Станиславовна (Kryukova Svetlana Stanislavovna) – научный сотрудник
ИЭА РАН, кандидат исторических наук / krjukova@list.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2020. № 25. С.78 – 97

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X | | <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 340-141; ББК – 67.3; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2020-25/78-97>

XX век вместил в себя многое, но для советской России определяющим в нем стал курс на индустриализацию. Он обернулся масштабными переменами в социальной структуре российского общества, урбанизацией и кардинальным перераспределением долей городского и сельского населения (на 2018 г. 74 % и 26 % соответственно). И хотя модернизация советского периода была «консервативной», «инструментальной» (Вишневский 1998), переход с аграрной магистрали на промышленно-индустриальную обозначил не только демографическую убыль деревни. Он фундаментально изменил основы ее мировоззрения и мироустройства. Можем ли мы сегодня, в условиях XXI в., обнаружить в ней проявления прежних традиций крестьянского обычного права, пусть и в трансформированном виде?

Чтобы ответить на этот вопрос, нам придется вооружиться исследовательской оптикой, позволяющей выявить качественные структурные составляющие нашего объекта на протяжении более столетия. При том что крестьянское обычное право отличала чрезвычайная вариативность, какие же ключевые точки мы выберем, чтобы сравнить их прежнее состояние и современное? Балансируя при попытке соединить разные исследовательские подходы, мы попытаемся опереться как на опыт позитивного права в классификациях и систематизации нашего материала, так и на новые подходы юридической антропологии, апеллирующей к правовому плюрализму. Так, мы можем воспользоваться понятийным аппаратом юристов, различая гражданское и уголовное обычное право. Правда, такое деление весьма условно применительно к обычно-правовой повседневности русской деревни, культура которой значительно шире общепринятой классификации права. Чрезвычайная широта обычно-правовых отношений и представлений требует некой конкретизации предмета исследования. Поэтому в рамках настоящей работы будут проанализированы лишь некоторые сюжеты из области договорных отношений в деревне. Сопоставим их актуальное состояние с ситуацией конца XIX в. Уже тогда эта сфера крестьянских взаимоотношений была хорошо изучена и описана в многочисленных работах. Среди них заметно выделяется фундаментальный труд С. В. Пахмана «Обычное гражданское право в России» (Пахман 1877, 1879). Именно он будет нашим путеводителем в анализе полевого материала, собранного нами уже в XXI в. в ряде центральных областей России (Рязанская, Смоленская, Тамбовская), принадлежащих к зоне традиционного земледелия.

На протяжении последних десятилетий в исследованиях русской деревни XX в. укрепилось понятие «раскрестьянивание», позволившее зафиксировать процесс постепенного отлучения крестьян от земли – как принудительно-насильственного в годы коллективизации, так и добровольного (в латентной форме по мере перетекания деревенских жителей в города либо в прямом отказе в силу разных причин от сельскохозяйственного труда). Соответственно коренным образом изменилась аграрная матрица, вокруг которой из поколения в поколение возникали и воспроизводились правоотношения в деревне. Поэтому «неизбежное разнообразие народно-юридических обычаев, которое обуславливается многообразием самих местностей обширной страны» (Пахман 1877: IX), несмотря на их легализацию в Конституции РФ 1993 г. (согласно статье 131 «местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях и на других территориях с учетом исторических и иных местных традиций» – см. Интернет-ресурсы), постепенно сужалось по мере сокращения объема вопросов, связанных с землей, решаемых в личных подсобных хозяйствах. А ведь именно они сегодня представляют самую многочисленную форму сельскохозяйственного производства. Вооружившись «юридическими» параметрами, избранными С. В. Пахманом с целью описания комплекса обычных правоотношений в русской деревне конца XIX в., мы рассмотрим их аналоги начала XXI в. В центре нашего внимания будут находиться все еще актуальные для деревни неписанные правила, сопровождающие «писанные» понятия гражданского имущественного права: «найм», «купля-продажа», «займ», «ссуда» и др.

Прежде чем приступить к анализу вышеперечисленных конкретных проявлений обычно-правовой практики, остановимся на характеристике общей ситуации в российском сельском хозяйстве. С 1991 г. российский сельский мир был поставлен в жесткие условия перехода от советского образца хозяйствования, для которого была свойственна высокая степень участия государства во всех сферах жизнедеятельности деревни, к постсоветской, построенной на экономических принципах, ориентированных на частную инициативу и рыночные отношения. Новый политический курс и принятие двух Земельных Кодексов (1991 г., 2001 г.) принципиально изменили правовой статус земли и организацию сельскохозяйственного производства. Денационализация земли, утверждение различных форм земельной собственности, введение наряду с государственной и муниципаль-

ной частной собственности на землю (в том числе на земли сельскохозяйственного назначения) должны были создать предпосылки для развития многоукладной, конкурентоспособной и более эффективной (по сравнению с советской) экономики. В идеале законодательная легитимация частной собственности на землю была направлена на формирование нового типа сельскохозяйственных производителей, у которых было бы развито чувство хозяина, максимально бережно и рационально эксплуатирующего земельные ресурсы. Таким образом, законодательная революция декларировала отказ от советского государственного регулирования сельской экономики, что означало разрыв преемственности в развитии деревни.

Приватизация сельскохозяйственных угодий коллективных хозяйств осуществлялась путем уравнительного распределения земельных долей и имущественных паев между их членами. Однако новые владельцы получили право собственности на земельный пай лишь номинально: им были выданы свидетельства, удостоверяющие их право на конкретную долю (она варьировала в зависимости от величины угодий колхоза или совхоза), но распорядиться своей земельной собственностью они могли только при условии выделения натурального земельного пая. Кроме того, поначалу был установлен десятилетний мораторий на все сделки по купле-продаже земли. Размежевание выделенных паев требовало от сельчан определенных материальных вложений и было сопряжено с довольно сложным многоступенчатым оформлением (подготовка документов, вызов специалистов землеустроительных служб и пр.). Поэтому массового движения по оформлению земельных паев в собственность не произошло. В результате бывшие работники колхозов и совхозов стали псевдособственниками «виртуальных» земельных долей без каких-либо возможностей реализации этого права собственности. Поэтому в 1990-е гг. почти повсеместной практикой стала сдача земли в аренду сельскохозяйственным предприятиям, образовавшимся на базе прежних колхозов и совхозов, или фермерам. Взамен пайщики получали либо продукцию и услуги конкретного сельскохозяйственного производства, либо деньги. Однако договор аренды был актуален лишь там, где новые хозяева могли удержаться на плаву в новых экономических условиях.

Одновременно с перераспределением земельного фонда происходила и реорганизация коллективных хозяйств советской эпохи (см. указ президента «О неотложных мерах по осуществлению

земельной реформы в РСФСР» от 27 декабря 1991 г. и ряд постановлений правительства). Они были преобразованы в товарищества и общества различных форм (ТОО, ООО, ЗАО, СПК и др.). Лишь единичные сельскохозяйственные предприятия сохранили свою прежнюю организационную форму. Реформы привели к полному развалу прежнего производства: за редким исключением имущество колхозов было распродано, поголовье скота постепенно сокращено или вовсе уничтожено, хозяйственные постройки разрушены. Большинство сельских жителей в результате банкротства новообразованных СПК и ТОО оказались безработными, что способствовало продолжению оттока представителей молодого и среднего возраста в близлежащие города и сокращению активного трудоспособного населения деревни.

С 2003 г. законом «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (закон от 24.07.2002 г. № 101-ФЗ вступил в силу через 6 месяцев после его официального опубликования) была разрешена купля-продажа сельхозугодий, что дало толчок распродаже земельных паев предприимчивым скупщикам. Притом эта скупка осуществлялась далеко не всегда в целях организации аграрного производства. Скорее это было вложением финансовых средств с целью последующей выгодной перепродажи земли. По словам одного из работников местной администрации Краснинского района Смоленской области, *«очень много земли оформлено в собственность московскими людьми. Для каких целей – я даже не знаю. Они знают законы и каждые 3 года переоформляют на другого. Как с этим бороться?»* (ПМА 5: пгт. Красный). Согласно законодательству, если в течение трех и более лет подряд со дня возникновения у собственника права собственности земельный участок не использовался по целевому назначению, т. е. для ведения сельскохозяйственного производства, то он мог быть изъят в судебном порядке (п. 4 закона № 101-ФЗ, введен ФЗ от 29.12.2010 № 435-ФЗ).

Не мотивированная сельскохозяйственными интересами купля-продажа земли; разрушение коллективных хозяйств, не способных справиться с прежними объемами работ; отсутствие обеспечивающей устойчивое развитие деревни государственной поддержки привели к значительному сокращению посевных площадей и появлению заброшенных, годами не обрабатываемых полей (*«стоят заросшие, потому что хозяйства нет или хозяйство не может обработать столько земли, сколько есть»*) (ПМА 5: пгт. Красный).

Так, по данным, полученным в Департаменте сельского хозяйства Смоленской областной администрации, в настоящее время в области обрабатывают лишь около 40% сельхозугодий. Статистика землепользования в отдаленных от центра районах выглядит еще скромнее: согласно сведениям, полученным в отделе сельского хозяйства администрации муниципального образования «Краснинский район» в 2015 г., там используют около 20% пригодных к сельскохозяйственной эксплуатации земель.

В последние годы идет изъятие так называемых не востребовавшихся паев умерших собственников, не имеющих наследников. Готовы избавиться от своих земельных паев и сами сельчане, не желающие или не имеющие возможности ее обрабатывать и соответственно платить за нее налог. Цель происходящего аккумулирования и перераспределения земельных паев пока не вполне понятна даже руководителям поселковых администраций. Вернувшаяся через суд земля поступает в резервный фонд местной либо областной администрации, однако ее дальнейшее использование вызывает вопросы на местах: *«Начали заставлять нас изымать паи в 2011–2012 гг. Мы этим не занимались, а теперь на нас свалили всю эту работу... 19 паев мы уже вернули... Мы не знаем, что с ней дальше делать»* (ПМА 5: д. Николаевка). К тому же после переоформления права земельной собственности на администрацию последняя должна платить за эту землю налоги, средств на которые в бюджете не предусмотрено. Абсурдность ситуации заключается еще и в том, что подобные операции с землей осуществляются лишь на бумаге. В действительности межевания не происходило вовсе ни на одной из стадий: ни при выделении долей, ни при их возвращении государству.

Постсоветское реформирование было нацелено на слом советской традиции «командного» планового управления аграрным сектором и формирование на селе многоукладной эффективной экономики. И действительно, прежняя система организации сельского хозяйства была развалена в 1990-2000-е гг. В роли преемников колхозов выступили новые сельскохозяйственные предприятия разных форм. Из интервью в д. Николаевка (Краснинский р-н, Смоленская обл.): *«Сначала был совхоз “Октябрьский”, потом ТСО “Николаевка”, потом КФХ “Октябрьское”, потом ИП Л. В. Коротченкова. Хозяйство-то наше, общее, а форма частная... Работают все те же 13 человек»* (ПМА 5: д. Николаевка). В ходе раз-

говора с руководителем местной администрации выяснилось, что бывшее хозяйство разорилось. Чтобы сохранить хотя бы то, что осталось, уговорили главного бухгалтера хозяйства оформить его на нее как индивидуальное предприятие. В целом, попытки сохранить традиционное коллективное хозяйство в новых организационных формах и условиях рыночной экономики не имеют успеха. Разумеется, низкая заработная плата отталкивает население от сельскохозяйственного труда (*«проблема с доярками и пастухами... народ разбежался и спился»*), однако анализ собранных интервью показывает, что причина оттока молодежи и работоспособных жителей села кроется не столько в дефиците рабочих мест, отсутствии жилья, низком уровне зарплаты или слабо организованной инфраструктуре села, сколько в сам м характере сельскохозяйственного труда и образе жизни деревни. Как правило, сами родители ориентируют молодое поколение на переселение в город.

«Виртуальная» частная собственность на земельные паи не стала средством приумножения благосостояния россиян и не стимулировала каких-либо серьезных инициатив, связанных с обработкой земли. *«Мне моих соток хватает»*, – такова позиция большинства деревенских жителей. За исключением незначительного числа фермеров, открывшейся возможностью расширения личного подсобного хозяйства воспользовались лишь единицы. Например, в д. Двуполяны (Краснинский р-н, Смоленская обл.) лишь один из жителей (всего в деревне 145 жителей по данным на 2007 г.) объединил 3 пая (свой и родителей), отмежевал их и создал крепкое большое хозяйство.

Процесс регистрации права частной собственности на землю в российских деревнях охватил главным образом приусадебные участки, используемые под огороды. При этом далеко не все воспользовались этим правом: *«у меня возле дома 75 соток моих приусадебных, еще 2 га у меня за пределами. Могу оформить в собственность. Не оформляю – денег нет. Через регистрационную палату не оформляю»* (ПМА 5: д. Мерлино); *«приусадебную землю в частную собственность не оформляют. Если прижмет, – прописать надо, – тогда оформят»* (ПМА 6: д. Любавичи). Оформление земли в собственность порой происходит неосознанно: *«Я землю в собственность в 1990-е годы оформила. Зачем? Не знаю. Родственница оформила, а я потом»* (ПМА 5: пгт. Красный). По свидетельствам глав поселковых администраций, чаще

всего подталкивает к этому необходимость либо продажи дома, либо прописки в нем новых членов семей. Согласно новым законам, сельчане не могут к себе никого прописать, если дом не приватизирован и документы на него не оформлены надлежащим образом («дом без приусадебной земли оформить в частную собственность нельзя») (ПМА 6: д. Понизовье).

Несмотря на разрушение прежних крупных сельскохозяйственных производств (колхозов и совхозов) и резкое сокращение посевных площадей, сельский образ жизни по-прежнему связан с обработкой земли. Самой распространенной формой современного сельскохозяйственного производства стало личное подсобное хозяйство (ЛПХ), основу которого составляет приусадебный земельный участок (его размеры в деревнях обследованных районов варьируются от 20 соток до 2 га). Для части населения это важнейший источник средств существования. Возвращение к самой надежной и испытанной форме землепользования свидетельствует, с одной стороны, о выборе в пользу традиции как наиболее устойчивого варианта развития деревни, с другой — об архаизации сельскохозяйственного производства и задействовании простейших механизмов экономики выживания. Это позволяет говорить о сохраняющихся общих закономерностях саморазвития деревни, институционально представляющей собой некую социокультурную автономию, которая функционирует во многом по своим правилам, не зависящим от официального законодательного регулирования.

Вместе с тем сегментация сельского производства и преобладание в нем ЛПХ сигнализируют о разрушении прежней монолитности коллективных предприятий и способствуют дальнейшей индивидуализации сельского труда, следовательно, деколлективизации общественных коммуникаций. Один из респондентов охарактеризовал доминирующую тенденцию меняющегося образа жизни сельского населения России следующим образом: «Коллективизма нет... И коллектива нет. Сейчас каждый сам себе» (ПМА 5: д. Маньково). Таким образом, взаимосвязь между сельскохозяйственным производством и деревней, конституирующая их как некое социокультурное целое с присущими ему спецификой и традиционными элементами, ослабевает. Характеризуя плотность и прочность общественных трудовых коммуникаций современной деревни, необходимо отметить общую тенденцию ослабления внутридеревенских контактов.

Кардинально изменилось отношение к земле: земледельческий труд воспринимается теперь как непрестижный и малопривлекательный, интерес к сельскому хозяйству в целом падает, как следствие, сокращаются площади приусадебных земельных участков. Высказывания наших информантов подтверждаются информацией об участившихся отказах от дополнительных земельных угодий, выделяемых сельчанам помимо основного приусадебного участка («Дополнительную землю? Зачем? Нам не надо. У нас все земли так запущены, что хорошо, если бы кто-то поехал и скосил, вспахал, чтобы они не зарастали, не дичали. Все бурьяном и кустами позаросло. Никому не надо») (ПМА 5: д. Двуполяны). С уменьшением поголовья скота в частных подворьях исчезает потребность в заготовке кормов. Если прежде сельчане засевали дополнительные земельные участки различными кормовыми зерновыми культурами или держали их под сенокос, то сегодня они отказываются даже от этих площадей.

Как удалось выяснить и наблюдать в ходе опросов, ведение домашнего сельского хозяйства в большей степени поддерживается в отдаленных от крупных поселений, но относительно густо населенных деревнях, откуда сложно выехать на заработки и где отсутствуют иные источники дохода. Села, удаленные от районных центров и не имеющие дополнительных источников дохода, отличаются большей развитостью подворий. В таких ЛПХ еще сохраняется крупный рогатый скот, разводят свиней и птицу, соответственно заботятся о посевах кормового зерна, а не ограничиваются обработкой огорода. В деревнях, где почти не осталось коров, люди избавляются от ненужных посевных площадей, чтобы не обременять себя выплатой земельных налогов. По отдельным сообщениям, иногда владельцы переуступают свои права односельчанам, но без надлежащего документального оформления: «у меня соседка отказалась (от земли. — К. С.), но не официально. Отдала соседу, он платит за нее налог» (ПМА 5: д. Мерлино).

О тенденции снижения интереса сельчан к земле косвенно свидетельствует и уменьшение числа межевых споров и обращений в поселковые администрации по земельным вопросам. Межа — традиционная для деревни граница между земельными угодьями (пахотными, сенокосными и пр.) — испокон веку провоцировала в деревне ссоры и даже вражду между соседями. Отношение к ней может быть рассмотрено в качестве индикатора принципиальных перемен в деревне.

Потребность в земле в традиционной (доиндустриальной) культуре определяла ее экзистенциальную значимость для крестьян и провоцировала возникновение вокруг нее «горячих» точек. Современный симптом равнодушия к земле коррелирует с почти полным отсутствием межевых конфликтов. Представители власти – главы и работники сельских администраций по обе стороны границы (а именно к ним апеллируют жители деревень в подобных ситуациях) – констатируют либо их полное отсутствие, либо совершенно незначительное число в сравнении с советскими и досоветскими временами: *«Межевые споры в прошлом. За 30 лет, что я работаю, было, может, случаев пять. Не больше. У нас народ не бушеянный, спокойный»* (ПМА 5: д. Николаевка); *«межевых споров не бывает. Всем хватает земли»* (ПМА 5: д. Двуполяны).

Сокращение землепользования в ЛПХ до пределов приусадебной земли и огорода предопределило и сам характер современных межевых столкновений. По воспоминаниям старожилов, в советское время «ругались из-за падоров» (дополнительных сенокосных участков). В настоящее время большой нужды в сенокосе нет, так как поголовье скота в частном секторе значительно сократилось. Пограничные «войны» сегодня возникают лишь между дворами-соседями. Судя по собранным материалам, более остро они проявляются в деревнях, где мало приусадебной земли: *«Допустим, забор неправильно поставили... Их будет больше. Как только в наследство вступают, начинаются споры. Из-за 20 см могут. Некоторые считают, что у соседа будет на 10 см больше. В Маньково дом на доме. Приусадебные участки – 4,5 сотки»* (ПМА 5: д. Маньково).

При общих тенденциях «раскрестьянивания», убывания деревни и падения заинтересованности в сельскохозяйственном труде, в основе социокультурной самоидентификации сельчан сохраняется представление об их неразрывной связи с землей: *«Считаю себя крестьянином. Определяет род занятий. Какой я горожанин, если у меня коровы, овцы, свиньи и 3 га земли»* (ПМА 5: д. Мерлино). Нередко в своем самоопределении жители деревни отталкиваются от противопоставления деревни городу. Население поселков городского типа, несмотря на свой пограничный статус, тоже относит себя к сельчанам: *«Какой мы городской житель? Условия у нас как в городе, но все равно мы на земле трудимся»* (ПМА 5: пгт. Красный).

В обработке земли сельчане придерживаются лунного календаря. Некоторые информанты сохранили фрагментарные знания о нем. В них обнаруживаются следы православного месящеслова. Деревенские жители верят в некоторые связанные с организацией сельскохозяйственного труда приметы, стараются придерживаться традиционных установок: *«С огородом по лунному календарю смотрим. Говорят, капусту лучше в “женские” дни сажать, огурцы – на Пахома (28 мая) сажают в открытый грунт. Капусту-рассаду сеют в Чистый четверг. Капусту рассаживают на Духов день. Неделя после Пасхи – ничего не делать: ни сеять, ни сажать. До 14 октября (до Сдвиженья) все надо в огороде убрать»* (ПМА 5: пгт. Красный). Сокращение земледельческого производства до уровня ЛПХ способствовало также индивидуализации представлений о сельскохозяйственном труде, формируемых личными, а не коллективными предпочтениями и опытом.

Религиозные традиции, связанные с обработкой земли, – а именно они формировали ранее разного рода запреты и предписания в соционормативной культуре деревни, – сегодня соблюдаются также в существенно редуцированном виде. В частности, сохранились представления о том, что нельзя работать в праздничные (в т. ч. воскресные) дни. Этот императив корректируется текущими потребностями. В отношении огорода сельчане нередко делают исключение: если есть необходимость в неотложных работах, то оправдывают это нарушение поговоркой «трудиться не грех», а сохраняющиеся ограничения переносят на различные виды «грязных» работ (напр., мытье полов и стирка белья). Некоторые обращаются к Богу с просьбой о помощи перед началом любых работ, связанных с обработкой земли.

Отдельные хозяйки, имеющие в подворьях скот, в уходе за ним вспоминают об обычаях и приметах, содержащих элементы продуцирующей магии, унаследованные от старшего поколения: *«Когда рожь начинает колоситься, курицу сажать на яйца нельзя в этот период. У меня это было не раз... После Петрова дня веники вяжут. Стараются придерживаться... Святую воду на Крещение набираем. Скот брызгаем, птицу не брызгаем. Поросенок плохо ест – побрызгаем»* (ПМА 5: пгт. Красный).

Земля в размерах приусадебного хозяйства остается в известном смысле «кормилицей», являясь традиционным для деревни (иногда единствен-

ным) источником средств к существованию. («*Все овощи свои, хватает на год. Теленка держим в хозяйстве – мясо свое*» (ПМА 5: пгт. Красный). Несмотря на то, что сельчане зачастую имеют и другие источники доходов (пенсии или зарплаты), огороды они не бросают. Таким образом, несмотря на общую тенденцию снижения потребности в занятии сельским хозяйством и существенное сокращение его объемов в ЛПХ, обработка земли пока продолжает оставаться не только маркером самоидентификации деревенских жителей, но и одной из основных тем в их повседневных коммуникациях. С ней сопряжены и соционормативные представления и отношения, обнаруживающие некоторые черты преемственности обычно-правовой традиции.

Общий демографический спад, характерный для русского населения России, в совокупности с миграционными процессами, вектор которых направлен в город, привели к преобладанию в сельской местности малых и неполных семей со средней численностью три человека на домохозяйство. Кроме того, деревня заметно «постарела»: основную долю в ее возрастной структуре составляют люди пенсионного или предпенсионного возраста (50–60 лет). Обработка даже относительно небольших приусадебных участков требует привлечения дополнительных рабочих рук и/или сельскохозяйственной техники. Эти потребности отчасти компенсирует найм. Одновременно он уравнивает баланс между производственными потребностями одних жителей села и возможностями для их удовлетворения со стороны других. Так создаются условия для функционирования трудовых взаимоотношений, регулируемых сельским социумом самостоятельно, без вмешательства государства и его правовой системы.

Привлечение дополнительных рабочих рук имеет сезонный характер и определенную периодичность, связанную с календарной цикличностью земледельческого труда. Аграрный календарь крестьян начинается весной – в период подготовки почвы к посадочным работам и севу сельскохозяйственных культур. Поэтому самым обычным видом найма, распространенным почти повсеместно, является устный договор о вспашке огорода в ЛПХ. По мере дальнейшей обработки угодий, с началом сенокоса и уборкой урожая сельчане также привлекают дополнительные рабочие силы и технику.

Как правило, нанимаются на этот вид работы одни и те же жители, владеющие сельхозтехни-

кой. Например, в д. Алтухово, по опросам жителей, осталось два трактора, владельцы которых и обслуживают округу. Из интервью жительницы деревни: «*Нанимаем тракториста. Вспахал первой весной. Потом посадил, сажалка у него есть, потом всходы пошли, пробороновал и вот на днях пропахали. Он едет, все знают. Цены все знают.... У кого поменьше участок, поменьше... Земли – соток 15. Без задатка. Он не работает нигде. Имеет свою технику и работает по найму. Бутылку не давала, только деньги*» (ПМА 1: д. Алтухово). К помощи посторонних прибегают и в летний, и в осенний сезоны, по мере дальнейшей обработки угодий, сенокоса и сбора (уборки) урожая.

Найм используют не только женщины, но и те пожилые мужчины, которым в силу возраста обременительно заниматься тяжелой физической работой в одиночку. Из интервью сельчанина: «*Вспахать, посадить, выкопать – наймешь. Всякие цены. У кого большая усадьба, 30 соток, тот больше платит. Я вот половину сажаю, меньше. У меня 30 соток, а сажаю половину. Один остался. За 15 соток плачу столько, сколько запросят. После работы. У нас тракторов осталось два. Нанимаю своих. Расценки меняются каждый день. Пропахивал еще раз от сорняков. Боронование – тоже заплати... Бутылку не ставил. Только деньги. Копать – тоже буду нанимать. Недоразумений с трактористом не бывает*» (ПМА 1: д. Алтухово).

Размеры оплаты земледельческих работ по найму обычно известны благодаря привычному средству деревенской коммуникации – слухам и разговорам. Иногда сельчане и вовсе не спрашивают о стоимости услуг: «*плачу столько, сколько запросят, после работы*» (ПМА 1: д. Алтухово), «*платим, сколько спросят*» (ПМА 10), «*как скажут, так и будешь платить*» (ПМА 9: с. Чутановка). Договоренности о неформальном найме в документах не фиксируют. Как и прежде, в этой области правоотношений придерживаются неписаных правил. При подсчете итоговой суммы, выплачиваемой исполнителю после проведения работ, участники соглашения отталкиваются от существующих в деревне расценок на отдельные виды работ и общей площади обрабатываемой земли. Единицей измерения при этом служит сотка земли. Расценки различаются в зависимости от удаленности от районного или областного центра, плодородия почвы, благосостояния села и уровня инфляции. Как правило, размер оплаты труда коррелирует со средним уровнем доходов жителей:

чем богаче село, тем выше цены. По свидетельствам респондентов, цены на услуги с использованием сельскохозяйственной техники постоянно растут, что связано как с инфляцией в целом, так и с ростом цен на бензин (солярку).

В небольших малонаселенных деревнях, где техники нет, сельчане либо обращаются за помощью к руководству соседних коллективных хозяйств, либо пытаются решить проблему самостоятельно – путем объединения трудовых усилий нескольких дворов. Так, например, в Заболотских Выселках нанимают трактор в колхозе соседней д. Дмитриевщина: *«У нас соток 15... После работы расплачиваемся. Слава Богу, что приехал. Вспахал. Спрашиваем: “Сколько?”»* (ПМА 11). В д. Фомино, где остались *«одни старухи и нанять-то некого»*, жители используют собственные ресурсы, кооперируясь друг с другом. Здесь принято дважды за полевой сезон «прорезать» картофель (ПМА 1: д. Фомино).

Особенность деревенской коммуникативной инфраструктуры заключается в более тесном, нежели в городе, характере соседских отношений: именно соседи являются ближайшими звеньями в этой цепочке. Поэтому вне зависимости от того, как складывается их общение, соседей в деревне выделяют особо. Представление о том, что с соседями надо дружить, аксиома в сознании сельчан. Хотя межевые огородные конфликты, пусть и с меньшей интенсивностью, возникают именно между ними, в беседах с респондентами звучит убежденность в необходимости поддержания хороших отношений. Как правило, они наряду с членами семьи и друзьями входят в ближайший круг общения. За помощью к соседям обращаются нередко: *«Традиции помощи – это испокон веков. Всегда было и есть. Соседи помогают. Сейчас команда собралась – сажают сразу четыре огорода»* (ПМА 5: д. Николаевка); *«Помощь в первую очередь в семье. Родственники не всегда рядом живут, обычно в городе. Соседи всегда выручают»* (ПМА 5: д. Маньково). В 1990-е гг. чаще практиковалась межсоседская кооперация, не обремененная финансовыми обязательствами: соседи договаривались о совместной обработке огородов по очереди. Подобный труд носил характер традиционной для деревни крестьянской взаимопомощи, распространенной повсеместно и имевшей разные названия («помощь», «толока»).

Коллективный трудовой процесс организуется следующим образом. Несколько соседей собираются и договариваются между собой о прорезке

огородов. Очередность устанавливает сама природа: в первых рядах оказываются те, у кого *«время подоспело прорезать картошку»*, поэтому споров и обид не бывает. В д. Шакино для обработки огорода сохой объединяются три семьи: *«Посадили, сели за стол. Все распахивают. Посадить, пропахать, убирать – сохой»* (ПМА 1: д. Шакино). В такой практике денежное вознаграждение за работу отсутствует, и сила договора поддерживается коллективным обязательством: договорные отношения принимают форму взаимопомощи и своего рода круговой поруки.

Жители с. Новопанское (Михайловский р-н, Рязанская обл.) прибегают к разным формам договора: и к найму трактора или лошади за денежное вознаграждение, и к взаимопомощи. Из интервью жителя села: *«У нас Сережа прорезает... Соседке прорежем, потом мне. Договариваемся. Прорезает один человек. У нас или трактором или на лошади. Трактором я не хочу проминать огород. Лошадью лучше, не сомнешь... Они не просят. Кто сколько даст. Расплачиваются после работы. Сарай поправить – нанимаем. Сохой прорезают картофель... Лошадь – соседа. Он у нас денег не берет. Выпьет. Картошку копаем все вместе. Один-то ничего не делаешь. Он нам прорезает, а мы ему помогаем»* (ПМА 2).

Респонденты определяли толоку по-разному: и в узком смысле, как совместный труд (например, при строительстве избы или бани), и в широком (как помощь в любом виде работ): *«Собираются ребята. Надо хлев построить. Сейчас меньше. Постарели мастера. Предпочитают нанимать строителей. Раньше была толока – вывоз навоза. Скот держали по 4–5 коров. Коров держали для навоза на стойловом содержании. Сейчас толока очень редко»* (ПМА 5: д. Мерлино); *«Есть такое понятие – толока. Решили дом построить. Выкопали фундамент. Собираем: сват, зять, тот, тот, знакомый, друг. 10–12 человек. Начинаем толокой фундамент заливать. Залили. Фундамент отстоялся, начинаем кладку. Собираем толоку опять. Потом стены поднимать. Потом крышу. Толока – накрывается поляна, ставится трехлитровая банка самогона, варится мясо, картошка. Толока отходит. Если среди родственников есть хороший строитель, могут толоку собрать. А так стараются строительную бригаду нанимать, чтобы хороший дом построить. Дом построить, огород убрать – толока. На толоку в основном родственников собирают»*.

Есть пока обжимки (зерновые убрать), обкопки (картошку выкопать)» (ПМА 5: д. Маньково); «Мы все время толокой работаем. У нас родственников много. Надо делать большую работу – собираемся все родственники. Сватьев приглашаем. На картошку собираем. Подбирать, перебирать, пахать, навоз возить» (ПМА 5: д. Двуполяны).

При описании последовательности в обработке полей информаторы ссылаются на опыт старшего поколения: *«Так положено... Старые люди все время так делают»*. Сельскохозяйственные знания – своеобразная «теоретическая» основа их земледельческого труда – до сих пор в значительной степени формируются под влиянием традиции. Кроме того, сельчане применяют и проверенный веками сельскохозяйственный инвентарь – соху, приспособляя ее к современным условиям. Соха во многих деревнях – отнюдь не музейный экспонат. Она имеет вполне утилитарное значение. В указанной д. Фомино в соху запрягают не лошадь, а троих-четверых сельчан. Один из местных жителей мастерит сохи по образцу прежней, предназначенной для лошади, но меньших размеров в расчете на человека. Он же объясняет и мотивы подобной технической «революции»: *«Раньше для лошадей делали, а теперь для себя, потому что лошадей нет. Раньше на лошадях обрабатывали, сейчас на себе стали» (ПМА 1: д. Фомино).*

Вместо денег в некоторых селах хозяева выставляют работнику «магарыч» – бутылку водки, спирта или самогона. Магарыч был широко распространен в деревне в прошлом, но продолжает бытовать и сегодня, спустя более чем столетие, причем под «угощением» подразумевается именно спиртное. Сегодня сельчане под магарычем нередко понимают любое застолье, сопровождающее заключение тех или иных достигнутых договоренностей. Из интервью, взятого у главы сельской администрации в с. Паревка: *«Магарыч бывает разный. Я от своих сенокосных угодий отказался и отдал соседу свою долю. Кто пожайднее, берет деньгами. А у кого душа нараспашку, говорит: “Поставь магарыч”. Больше магарычем. Он приходит: “Давай выпьем на природе. Ты мне добро сделал”. Магарыч на каждом шагу. Корова загуляла в стаде, пастух приходит и говорит: “С тебя магарыч”. Дрова сосед привез – с тебя магарыч. Петухи: у меня красный, а у тебя белый. Поменялись – магарыч» (ПМА 8).*

Судя по ответам респондентов, магарыч со-

провождает далеко не все заключенные соглашения. Трактористы, регулярно нанимающиеся на работу, как правило, предпочитают финансовый расчет, что свидетельствует в первую очередь о дефиците денежных средств в деревне. По словам жителей с. Чутановка, *«всем деньги нужны, бутылочку – не принято»*, поэтому трактористу платят из расчета за сотку пахоты (ПМА 9: д. Чутановка). Вместе с тем в селе имеется определенный круг людей, готовых работать и за магарыч.

Выпивка непременно сопутствует таким договорным отношениям, как взаимопомощь. С одной стороны, она служит своего рода денежным эквивалентом, с другой, имеет гораздо более важное значение: демонстрирует взаимоуважение и дружеское расположение среди всех участников совместного труда. Одновременно это и фундамент потенциальной кооперации, заявка на ее возможное расширение. Так сельчане устанавливают и закрепляют особый – личностный – уровень связей в рамках своего сообщества, гарантирующий им своего рода «страховку» в случае непредвиденной проблемной ситуации.

Оплата работы нередко производится в натуральной форме. В с. Рамза (Кирсановский р-н Тамбовская обл.) за прополку огорода благодарят продуктами. В других селах, где в хозяйствах еще имеется скот, для которого необходимо заготовить корм, принято приглашать односельчан на сенокос. Из интервью одной из жительниц: *«У меня муж, когда начинает косить, приглашает того, того, того. Пришли, покосили. Платит обедом. А магарыч полагается? Это и есть обед. Поставит бутылочку-другую. Принято именно свою. Бутылочка обязательно. Они ради этого и идут. У нас косили человек по 7». Иногда найм «оплачивается» не только продуктами, но и взаимными услугами, как в д. Ласицы (Савовский р-н, Рязанская обл.): *«договаривались устно, кто продуктами, кто чего. Вот я тебе вспахал, а ты мне пойдешь на покос убирать» (ПМА 3: д. Ласицы).**

В формировании состава участников традиционной для деревни «помощи» имеются свои тонкости. Например, из интервью, полученного в с. Троица (Спасский р-н, Рязанская обл.), следует, что здесь действует негласный запрет на соседскую помощь в выполнении работ, связанных с выращиванием огурцов, продажа которых составляет основу сельскохозяйственного «бизнеса» села. Здесь почти каждая семья культивирует огурцы с целью их последующей реали-

зации торговым посредникам. При выполнении аккордных работ «на огурцы» соседа не приглашают: помогать собирать урожай зовут только родственников. Вместе с тем соседская помощь здесь допустима при выполнении других видов сельскохозяйственных работ: например, на сенокосе, когда неожиданно собирается дождь и «лишний день нельзя ждать», так как промедление чревато потерей корма для скота. Обычно на «помощь» приглашают одних и тех же односельчан, руководствуясь уже сложившимися добрыми отношениями.

Современная социальная инфраструктура села формируется под влиянием не только временного отхода и переезда сельчан на постоянное место жительства в город, но и обратной тенденции – периодического весенне-летнего притока в деревню дачников. Среди них «коренные» сельчане различают две разновидности: одни дачники – это «свои», т. е. потомки местных жителей, обосновавшиеся в городах и выезжающие в период отпусков в родные села; другие – «чужие», главным образом, москвичи, выкупившие усадьбы для сезонного отдыха в деревне. «Чужие» дачники регулярно пополняют фронт заказчиков сельскохозяйственных и прочих работ и, соответственно, расширяют поле договорных отношений. Из интервью главы администрации в с. Новопанское: «Калымят по домам. Пьянство – это не так, чтобы закоренелые алкоголики. А так. Вот приезжает дачник, договаривается – картошку от жука обработать... Сейчас лето. Приехали дачники. Дачники – практичные. Знают, кого нанимать, сколько платить. Знают, кто делает качественно. Аванс никто не дает. Дают после определенного объема работ» (ПМА 2).

Подработкой у дачников занимается и мужское, и женское население. Дачники обычно договариваются с соседями, руководствуясь близостью земельных участков и возможностью попросить присмотреть за усадьбой в зимнее время года, когда хозяева уезжают в город. Возраст при этом значения не имеет: пожилые одинокие женщины также вовлечены в отношения найма. Жительница д. Шакино (Клепиковский р-н, Рязанская обл.) регулярно нанимается на работу к соседям: «Они (дачники. – К. С.) платят за землю и пахоту... Я им помогаю в саду. Полюю, опалю (прополю. – К. С.). Они говорят: «Надо, сажай, а то будет лужить». Управляюсь сама. У них поливаю, у других дачников тоже. Окучиваю мотыгой» (ПМА 1: д. Шакино).

К настоящему времени традиция бесплатного коллективного общественного труда почти сошла на нет. «Помощь – сосед соседу – конечно, есть. У меня трактор есть. Что я с тебя деньги брать буду? Солярки зальешь. Раньше деньги не брали – было зазорно. А сейчас это переводится уже» (ПМА 6: д. Любавичи); «По соседству моего (мужа. – К. С.) просят нагонять борозд, но ведь не бесплатно. Это же не помощь. Он же горючее жжет. Раньше сажали картошку по очереди. Сейчас мы столько не садим... Семейная взаимопомощь. Дети помогают на огороде. Мы с соседями чаще общаемся. Куда еще пойдешь за помощью?» (ПМА 5: пгт. Красный). Таким образом, трудовая помощь-кооперация в ее традиционном понимании сузилась до круга семьи, соседей или друзей. Особенно характерна она для дружных семей. Даже если их члены давно живут в городе, они собираются вместе для аккордных работ.

Материалы, собранные во время экспедиционных выездов, показывают, что в договорных трудовых отношениях в последнее десятилетие произошли значительные изменения в сторону коммерциализации услуг: денежный расчет стал более предпочтительной и распространенной формой оплаты: «Сейчас лучше заплатить человеку, нанять» (ПМА 6: д. Понизовье). В контексте набирающей в деревне силу «монетизации» услуг происходит любопытная трансформация понятия «помощь». Его прежний смысл (помощь как безвозмездный труд) ставит современных жителей деревни в затруднительную ситуацию, когда они подрячают кого-то на работу.

Вместе с тем до сих пор в деревне сохраняется традиция помощи слабым, больным, нуждающимся. Например, в д. Николаевка (Краснинский р-н, Смоленская обл.) рассказывали о сборе средств на лечение больного: «У нас было вот что. Толока или не толока? У нас мальчишка нырнул и сломал себе позвоночник... Ему понадобилась операция в Германии. Собирали деньги по деревне. Собрали» (ПМА 5: д. Николаевка).

Сложившиеся в постсоветский период экономические и политические условия способствовали дальнейшему развитию в сельской местности комплекса неформальных трудовых взаимоотношений, регулируемых населением самостоятельно, без участия государства и официального права. Как правило, они складываются в связи с необходимостью срочных сезонных сельскохозяйственных работ. Часть из них относится к кате-

гории «теневой экономики», когда труд наемного работника оплачивают наличными деньгами без официального ведения письменной бухгалтерии и отчисления соответствующих налогов. К таким договоренностям прибегают не только владельцы ЛПХ, но и некоторые фермерские хозяйства, нуждающиеся в дополнительных рабочих руках в период срочных сезонных работ. В поисках сельскохозяйственных работников в последние годы некоторые работодатели используют интернет, где на специальных порталах размещают объявления. Сельчане, у которых имеется специальная техника, нередко так же находят спрос на свои услуги по обработке земли в чьих-то ЛПХ.

К еще одной категории договорных работ, связанных с ведением сельского хозяйства, относится уход за скотом и птицей. Хотя поголовье крупного рогатого скота, как в личных подсобных подворьях, так и в общественных стадах, имеет устойчивую тенденцию к сокращению, в крупных селах еще актуальна профессия пастуха. В совсем небольших деревнях, где население уже не держит крупного рогатого скота (за редким исключением на всю деревню одна-две коровы), о пастухе сохранились лишь воспоминания старожилов: «*Пастуха нанимали. Расплачивались деньгами... с коровы за месяц*» (ПМА 1: д. Фомино). Из интервью жительницы д. Алтухово: «*Пастуха нанимали. Тогда был в первые годы из Полян. Оттуда ребяташки нанимались. В пастухи шли подростки, лет с 13. Они пасли только овец. А для коров специально нанимался пастух. Пастухам-подросткам платили деньгами. Кормили, если свои, деревенские. Дашь им яблочко или яички. По очереди ходили чужие пастухи. Им с собой собирали сумку с продуктами, чтобы пообедали. Женщина с ребенком гоняла овец*» (ПМА 1: д. Алтухово). В с. Новопанское в 1960-е гг. пастух после достижения договоренности о найме «*ставил мужикам магарыч*», с конца 1970-х гг. жители села «*караулят поденно сами*» (ПМА 2).

По словам жительницы с. Тюково, пастухи — это обычно физически неспособные к другому труду мужчины. Информация была подтверждена и в д. Шакино, где, как выяснилось, пастухом работает немой крестьянин: «*Теперь он у нас ногу сломал. В Клепиках в больнице. Всю дорогу коров гонял... Хоть и безъязычный, так поймешь, что он говорит. Он же немой. Погнал один. А я ж ему говорила, как сердце чувствовало: "Ты хоть накопи мне дрова", - "Ладно, вот коров сгоняю, тогда доколю". "Пастухом тяжело.*

Последнее дело», — так комментирует статус профессии житель с. Новопанское (ПМА 2).

Условия договора с пастухом включают комбинированную оплату деньгами («*определенную сумму с головы*») и продуктами («*зерно, хлеб, яйца*»). Из интервью жительницы д. Шакино: «*За корову платила... И в сумку еду собираешь. Яичек 5-6 сварить, колбаски возьмешь грамм 200–300. На день. С 6 часов до 7 — целый день. Моя очередь подходит — я плачу ему. А некоторые сами гоняют. Он не постоянный. Просто мы его нанимаем. Очередь подходит каждый месяц, чуть побольше. По 2 человека гоняют 60 голов*» (ПМА 1: д. Шакино). Система оплаты труда пастуха основана на соглашении между владельцами коров об общей сумме, распределяемой между участниками договора, и очередности взноса каждого. Эта своеобразная круговая порука демократична тем, что в случае финансовой несостоятельности некоторых владельцев, они компенсируют ее собственным трудовым вкладом, т. е. сами выпасают общее стадо.

В праздничные дни продуктовый набор для пастуха принято дополнять бутылкой спиртного. Выплаты «жалования» алкоголем порой имеют негативные последствия, когда пастух постепенно спивается. Из рассказа информатора из д. Шакино: «*Муж выпивал. Вперед мало, а потом запоем. Гонял коров, а другой говорил: "Меня не переборешь". Вот неделями и пил. Расплачивались с ним деньгами. Они гоняли колхозный скот за зарплату. Потом он гонял еще частных. Пойдешь собирать (деньги. — К. С.), а он уж собрал*» (ПМА 1: д. Шакино).

В сознании сельчан живет уверенность в необходимости наказания пастуха за увечье коровы. Эта норма уходит корнями в традиционные представления крестьян о справедливости. Здоровье и жизнь домашнего скота, а особенно лошади, всегда были предметом первоочередных забот хозяина: без лошади — основной тягловой силы — хозяйству грозило разорение. В силу этих воззрений кража лошади, например, каралась несравненно более сурово, чем, допустим, нанесение тяжких побоев жене. В этой связи уместно привести наблюдение, сделанное переселенцем из Казахстана, проживающим в настоящее время в Кирсановском районе Тамбовской области. Он обратил внимание на то, что коренные жители Казахстана при встрече в первую очередь интересуются здоровьем родных, а жители средней полосы России — здоровьем скота: «*спрашивают, как цыплята,*

которых купил, поросята, корова». Со слов одного из жителей с. Паревка, население приравнивает животных к людям: «у животного есть душа, они чувствуют все» (ПМА 8).

На вопрос, адресованный жительнице с. Фомино, «должен ли виновный в гибели животного пастух возместить убытки?», прозвучал вопрос-утверждение «а как же?!», в котором отразилась аксиоматичная убежденность в обязательности соблюдения этой нормы и одновременно недоумение относительно возможности иного исхода дела (ПМА 1: д. Фомино). Наряду с этим встречаются разноречивые сведения о штрафных санкциях, применяемых в практике выпаса скота. По словам жительницы д. Алтухово, здесь «частный пастух никогда не возмещал убытки. А совхозный? Вот, говорят, одна корова через канаву не перешла, глубокая канавка, она сломала позвоночник. Директриса вычла» (ПМА 1: д. Алтухово). В с. Тюково жители вспоминали случай недавней потравы коровы: «Недавно был у нас такой случай. Когда пастух не уберек корову. Он остался безнаказанным. Коровы потравились по его вине» (ПМА 1: с. Тюково).

В разных селах сложился свой порядок просмотра за крупным рогатым скотом. Так, например, в д. Аверкиево пастуха не нанимают, но не потому, что не за кем присматривать. Там применяется другой способ выпаса: «Скотину так проводим. Все усадьбы свои загородили, скотина в огород не пойдет» (ПМА 1: д. Аверкиево). В результате коровы гуляют по округе, где придется, и самостоятельно находят дорогу к дому.

Посредством договора решают не только проблемы, связанные с ведением сельского хозяйства, но и множество возникающих в повседневном быту забот. Мелкие хозяйственные потребности, которые не под силу пожилым женщинам (а именно они составляют большинство в демографической структуре современного села), зачастую требуют привлечения дополнительных, преимущественно мужских, рук: «кому-то надо забор поправить, кому-то печку, кому-то штaketную изгородь». Из интервью жительницы д. Шакино: «Нанимают дрова колоть. Миня у нас такой. Всю дорогу коров гонял, и дрова колот, и косил он мне (мне. – К. С.), когда сам (муж. – К. С.) умер. Все время помогал. Все нанимаешь» (ПМА 1: д. Шакино). Слова «помощь», «помогает» неоднократно звучат из уст сельских жителей в отношении всего спектра оказываемых односельчанами договорных услуг. Впрочем, «по-

мощь» отнюдь не предполагает безвозмездность: она компенсируется либо деньгами, либо угощением, либо ответной «помощью» и взаимовыручкой в соседских отношениях.

Строительство на селе – еще одна сфера заключения соглашений. Здесь так же, как и в земледелии, переплетаются оба вида вышерассмотренных договорных отношений – найма и «помощи». С одной стороны, существуют специальные бригады строителей (плотников), подыражающихся на работу за определенную, предварительно оговоренную сумму. С другой, при возведении дома помимо найма специалистов сельчане прибегают к помощи родственников и соседей. Обе разновидности личных договоренностей имеют свои особенности.

По рассказам сельчан, большое значение при выборе строителей имеет их репутация: «люди узнают друг от друга, какая бригада лучше работает и по цене приемлема»; «коробовские мужики честные и наши клепиковские. А вот дубовских (тумских) недолюбили (недолюбливали – К. С.). Грубо делали, плоховато. Заказчиков у них меньше было» (ПМА 1: с. Тюково). Хотя в настоящее время в местной периодической печати публикуются объявления, рекламирующие ту или иную строительную компанию, сельчане продолжают пользоваться проверенным и, по их мнению, более надежным методом поиска необходимой информации – через цепочку личных связей.

Заказчик-«хозяин» и исполнители в лице бригады предварительно оговаривают условия. Устный договор заключается обычно при свидетелях – соседях или родственниках. Из воспоминаний плотника из д. Аверкиево: «о строительстве договаривался бригадир с хозяином. На базаре два дурака, один дорого просит, другой дешево дает. Вот так и получилось. Торг – 5–10 минут. Задаток не принято было давать. Этот говорит, что надо делать, этот на бумажку пишет. Не заверяли. Совестью, наверно. Половину сделаем, говорим, Ванька, за эту половинку нам отдай. Так и договаривались. А то, бывает, и на три раза. На сенокос надо ехать, а доделать не доделали. Говоришь, хозяин, так и так. Отпускал. Надо – уезжаем» (ПМА 1: д. Аверкиево). Если раньше заключение сделки происходило в устной форме, то в последнее время строители стали давать хозяину расписки с указанием полученных сумм денег. Помимо предварительно оговоренной заработной платы, строителей

принято кормить. От качества пищи порой зависела добросовестность выполнения работ. Расторжение такого договора происходит крайне редко, лишь в тех случаях, если заказчика не устраивает качество работ и профессионализм строителей.

Плотники могли наказать хозяина за скупость. Рассказ о тухлых яйцах, якобы подкладываемых строителями в стены дома или фундамент с целью наказания хозяина, приобрел характер некой легенды, передающейся из уст в уста. Вместе с тем, были и реальные случаи, когда плотники в отместку за жадность или обман со стороны заказчика пытались наказывать его доступными им средствами.

В с. Новопанское при строительстве дома в первую очередь собирали родственников: *«все надеялись на родственников»* (ПМА 2). Традиция собирать «помощь» из родственников и соседей сохранилась в основном в крупных селах. Обычно хозяин проходит по улице и обращается с просьбой о помощи. Интересно, что в помощь вовлекают и городское население: многие сельчане переселились в города, но, несмотря на свой новый социальный статус, продолжают поддерживать оставшихся в селе родных, причем не только трудом, но и строительными материалами. Так, в с. Новопанское к информатору приезжали из города родственники по линии отца, *«чтобы заливать шлак»*. По рассказу жителя с. Шапкино, брат жены присылал ему из Москвы штукатурные гвозди и кровельное железо (ПМА 1: д. Шакино).

В с. Иноковка (Кирсановский р-н Тамбовская обл.) для оповещения села о том, что требуется «помощь», ставили в доме зеленую веточку, затем хозяин несколько раз проходил по улице и просил помочь на том или ином этапе строительных работ. По свидетельству одного из респондентов, обычно люди в помощи не отказывают, *«потому что знают, а, может, мне тоже придется когда-то там собирать, дом строить»*. Более того, в некоторых селах, как, например, в с. Шапкино, выработалась своеобразная подготовительная стратегия: планируя строительство собственного дома через 2–3 года, хозяин заранее ходит «на помощь» к односельчанам, зная, что скоро ему придется воспользоваться их услугами: *«Знаю, что я скоро буду приглашать. Приглашают, бросаешь все свои дела и идешь»* (ПМА 10).

Из интервью жителя с. Платоновка (Рассказовский р-н Тамбовская обл.): *«Помощи собирают, когда закладывают фундамент – один*

день. Второй раз, если деревянный дом, когда ставят дом. В третий раз, когда штукатурят – глиной в нашей местности. Иногда до 30–40 человек собирают. Хозяйки устают больше, чем рабочие. На кирпичные дома помощь не собирают. Тут нужны специалисты». Помощь не оплачивается, но ее участников обязательно 2–3 раза в день кормят и угощают самогоном или водкой (150–200 грамм).

Строительство дома всегда сопровождается выпивкой. *«У печника – дымовая, у плотника – магарыч»*, – это выражение стало почти крылатым в д. Аверкиево (ПМА 1: д. Аверкиево). Вообще понятие «магарыч» сельские жители чаще всего связывают именно со строительством. В отличие от обычного застолья с бутылкой магарыч имеет еще и иной смысл – это неотъемлемая составляющая трудового процесса и обязательное условие соглашения, символически скрепляющее его вместо гербовой печати.

Интенсивность найма и «помощи» находится в прямой зависимости от величины села, а также его географического положения и специализации. В малонаселенных Заболотских Выселках, по словам респондентов, нанимать некого: *«Все старые. Коренных осталось пять домов. Остальные дачники»*. В многолюдной Платоновке, напротив, практически каждая семья прибегает к найму по нескольку раз в году, *«чаще всего на сенокос, на разработку леса, когда берут делянку для разработки – для строительства»*. Платоновка относится к тем редким селам, где сегодня еще активно идет строительство частных домов: за последние десять лет здесь появилось шесть новых улиц. Благодаря находящейся поблизости железнодорожной станции жители занимаются торговлей в поездах, в результате чего в селе в большей степени развит товаро-денежный оборот, а уровень доходов выше, нежели, допустим, в тех же Заболотских Выселках, относящихся к категории «вымирающих» деревень.

В сельской местности широко распространена торговля продуктами сельскохозяйственного производства и садоводческими культурами, что способствует процветанию договорных отношений из категории «купля-продажа». В некоторых селах, где окончательно развалились коллективные хозяйства, продажа овощей, домашнего скота и птицы «заезжим коммерсантам» или на рынках в близлежащих районных центрах остается единственным источником поступления финансовых средств (кроме пенсии). Мясо, молоко, яйца, ово-

щи (чаще всего картофель, огурцы, лук), фрукты – все то, что имеется в личном подсобном хозяйстве и может приносить какой-то доход – реализуется в селе или через посредников в город. Продуктовый рынок регулируется исключительно взаимной договоренностью между продавцом и покупателем об объемах и стоимости товара. На ценообразование влияет общая конъюнктура, зависящая от урожайности тех или иных культур, соотношения спроса и предложения, инфляционных процессов.

Удачная купля-продажа также сопровождается магарычем. Как вытекает из опросов сельчан, магарыч не упоминается в контексте рассказов о сбыте сельскохозяйственных продуктов посредникам, но неизбежен при заключении относительно больших сделок по продаже дома или крупного рогатого скота. Из интервью жителя с. Новопанское: *«Скотину друг другу продают... Документы не оформляют, магарыч пьют. А как же? Договариваются и стол собирают – магарыч. Бывает с двух сторон. Например, я продаю корову, приходят ко мне и выпивают»* (ПМА 2). Наличие магарыча в сделке не связано напрямую с величиной дохода от продажи. Так, доход от реализации овощей порой существенно выше, чем от продажи коровы, однако *«обмывается магарычем»* обычно лишь последняя. Вероятно, и здесь прослеживаются остатки традиционной иерархии ценностей сельчан, в которой домашний скот представлял собой более надежную опору в сельском хозяйстве, нежели набор привычных овощных культур.

Помимо магарыча при покупке коровы до недавнего времени (1970–1980-х гг.) совершали обрядовые действия, имевшие охранительное значение. Например, в д. Алтухово (Клепиковский р-н, Рязанская обл.), приобретая корову, новый хозяин снимал ее веревочку-поводок, и через эту веревку корова проходила во двор: «чтобы она не дворами ходила», а возвращалась из стада домой. В с. Новопанское (Михайловский р-н, Рязанская обл.), со слов информатора – продавца коровы, покупатели сами *«обратали»* ее, т.е. надели веревку на рога, и тем самым символически обозначили свое право владения. В д. Кругловка (Руднянский р-н, Смоленская обл.) считается обязательным передать веревочку-поводок из рук в руки покупателю, чтобы она знала нового хозяина. В с. Демушкино (Сасовский р-н, Рязанская обл.) при продаже лошади предварительно договаривались о продаже *«со всей сбруей»* и приводили двоих свидетелей, фиксировавших получение продавцом денег. В некоторых селах и в настоящее время используют

традиционные приемы «защиты» приобретаемой собственности и закрепления прав на нее. Так, в с. Троица (Спасский р-н, Рязанская обл.), когда продают корову, дают поводок и кусочек хлеба с солью. Этим кусочком хлеба покупатель приманивает ее и ведет в свой двор, где подводит корову к столбу, дереву или любому высокому шесту и обводит ее вокруг него три раза. Таким способом корову «приручают» к новому хозяину и новому месту.

Если купля-продажа скота и сельскохозяйственной продукции осуществляется устно, то приобретение недвижимости – покупка дома с прилегающим к нему приусадебным участком – происходит только путем документального оформления сделки. При этом официальная регистрация нового владельца служит лишь завершающим звеном в цепи ряда действий, событий и переговоров, влияющих на заключаемое соглашение. По свидетельству жительницы с. Тюково (Клепиковский р-н, Рязанская обл.), *«прежде, чем купить дом, надо купить соседей, определить, какие соседи»* (ПМА 1: с. Тюково). С этой целью потенциальные покупатели, по преимуществу дачники, стараются провести опрос общественного мнения о своем будущем окружении. Предваряют договор о купле-продаже переговоры о стоимости усадьбы. Помимо размеров дома и качества его постройки на цену влияет и расположение двора внутри села: близость к дороге, лесу, реке, наличие грибных и ягодных мест, *«где комаров больше, даже это учитывается»*. Не последнюю роль в принятии окончательного решения о покупке играет репутация соседей. Цены на недвижимость варьируются также в зависимости от местоположения самого села, его близости к городу, величины и населенности, плодородия почвы. Однако реальная сумма сделки, как правило, утаивается и не фиксируется официально. Чтобы уменьшить налогообложение на приобретаемую недвижимость, сельчане идут на хитрость, указывая в договоре купли-продажи явно заниженную стоимость. Тем самым и в документально оформляемый договор вносится элемент неофициальных соглашений.

При покупке дома иногда выплачивают задаток. Такие договоренности очень напоминают практику городских риэлторских фирм, занимающихся сделками, связанными с недвижимостью. Из интервью в с. Демушкино (Сасовский р-н, Рязанская обл.): *«Договорятся, задаток оставит, а потом откажется. Расхотел. Некоторые со всей душой: раз не хочешь, возьми свой задаток и отправляйся. А другой принцип поставит:*

ты меня задержал, я б продал другому, время прошло, нет тебе никакого задатка» (ПМА 3: с. Демускино).

Переход усадьбы из одних рук в другие происходит также путем наследования или дарения. Существуют различные варианты дележа семейного имущества. Вопросы наследования, как правило, решаются внутри семьи по согласованию, при этом распределение долей далеко не всегда осуществляется равномерно: учитывается, кто из детей больше всех нуждается и заинтересован в ведении сельского хозяйства и кто будет ухаживать за стариками. Чаще всего дом остается у того из детей, кто проживает с родителями и оказывает им *помощь*, вне зависимости от старшинства. Из интервью районного судьи Скопинского района: *«у сельских жителей сложилось так: кто за мной будет ухаживать, тот и получит дом»*. То есть это тоже своего рода договор, предусматривающий взаимные обязательства и регулирующий отношения между родителями и детьми. В других случаях недвижимость оценивают и делят по частям между всеми претендентами, а участники раздела договариваются между собой, за кем в итоге останется дом и каким образом новый владелец будет компенсировать остальным родственникам их доли.

Как показали опросы, в настоящее время наблюдается тенденция составления пожилыми людьми завещаний или дарственных еще при жизни. Как правило, это связано с желанием стариков заранее предотвратить споры между детьми, которые, хотя и не часто, но все же случаются в деревне. Несмотря на сложность и волокитность процедуры формального закрепления прав собственности, а также существенные финансовые затраты, связанные с нотариальным оформлением прав наследства, большинство сельчан предпочитают еще при жизни распорядиться своим имуществом.

Обычно дома стараются завещать детям, внукам, т.е. родным. Но встречаются и иные ситуации, когда в круг наследников включают лиц неродственного происхождения. В с. Новопанское (Михайловский р-н, Рязанская обл.) был зафиксирован случай передачи усадьбы в чужие руки — односельчанину, который обязался ухаживать за старой женщиной, хозяйкой дома. Из интервью главы сельской администрации: *«Николай есть такой. Он такой не ленивый мужик..., просто добросовестно, по простоте душевной за ней ухаживал. Она ему предложила, завещала свой дом. Эта бабулька померла, Николай ее похо-*

ронил со всеми канонами христианскими». Как выяснилось из беседы с этим наследником, он не единожды выступал в роли опекуна: *«Я тут за стариками в деревне ухаживал за четырьмя человеками... Я им памятник поставил, поминал их...»* (ПМА 2).

По сведениям из Клепиковского района (Рязанская обл.), там также бездетные старики или те, у кого нет родственников, составляют завещания на односельчан, оказывающих уход за ними по договору. Из интервью с главой администрации в с. Тюково: *«Дома стараются завещать старики при жизни. Дарение или завещание. Практически не бывает, чтобы завещание меняли. Раньше бывали даже случаи, что в пользу государства отходили дома в 1980-е годы. Сейчас в пользу государства нет. Стараются даже чужим людям завещать»* (ПМА 1: с. Тюково). Последний комментарий хорошо показывает изменившееся отношение сельчан к частной собственности и государству. Разочарованность властью и неверие в нее, отсутствие помощи со стороны государства население компенсирует иными способами решения имущественных правоотношений: государственную функцию социальной защиты и содержания одиноких граждан выполняют сами жители села. Довольно широкое распространение в селе имеют долговые отношения. В долг берут друг у друга чаще всего мелкие суммы денег (от 100 до 500 рублей): *«до пенсии, зарплаты или первого заработка»*. Более крупные суммы занимают в связи с такими расходами, как празднование свадьбы или приобретение машины, трактора, коровы, телка и пр. Обычно в селе есть определенный круг людей, зарекомендовавших себя в качестве возможных кредиторов: сельчане знают, кто дает в долг, а кто нет. Иногда сельчане обращаются с просьбой о финансовой помощи к более состоятельным соседям-дачникам. Зачастую одалживаются у родителей. Как правило, жители, занимающие большие суммы, имеют средний возраст. Если сумма большая, то стараются занимать в валюте (долларах), чтобы обезопасить себя от рублевой инфляции. Любопытно, что несмотря на отсутствие обменных пунктов долларовой эквивалент знаком деревне. В роли нелегальных обменных пунктов обычно выступают сельские предприниматели — владельцы торговых точек.

Когда занимают, обговаривают условия займа и срок возврата. В некоторых крупных селах известны свои ростовщики, но в целом денежная ссуда под проценты не получила широкого повсеместного распространения и по собранным мате-

риалам прослеживается главным образом в тех крупных селах, где развита торговля и сложился рынок постоянного сбыта в город сельскохозяйственных культур. Специализация в выращивании тех или иных овощей с целью продажи привела к образованию «огуречных», «луковых», «помидорных» и «картофельных» сел, выделяющихся среди прочих более высоким уровнем жизни и предпринимательским подходом к производству, нацеленным на получение прибыли. В таких селах ссуда под проценты воспринимается как своего рода банковский кредит, где прибыль от выданной суммы отчасти «съедается» инфляционными процессами, отчасти служит платой за оказанную услугу.

Время уплаты долга, как и в прошлом, отчасти обусловлено циклом сельскохозяйственного производства: возвращают долги либо весной, заработав на весенних полевых работах, либо осенью после продажи урожая («Одалживаем мы. Да мы недолго, до пенсии только. До полтыщи. Вот придю я. Ленька, дай мне, не хватило мне до пенсии. Она даст. Пенсию получаю, отдаю. Недоразумений нет. Всегда возвращают») (ПМА 1: д. Аверкиеве). Иногда, судя по словам жительницы д. Фомино (Клепиковский р-н, Рязанская обл.), сроки даже не оговаривают, особенно если речь идет не о больших ссудах: «Когда отдашь, тогда отдашь» (ПМА 1: д. Фомино).

Существуют свои правила, связанные с долговыми отношениями. В частности, по сообщению из с. Троица (Спасский район, Рязанская обл.), здесь не принято занимать деньги вечером. Этот порядок ведения «финансовых операций» вполне согласуется с традиционными крестьянскими представлениями о времени, согласно которым вечер и поздний час — «нехорошее» время (ПМА 4: с. Троица).

Из опросов респондентов следует, что случаев обмана, как правило, не бывает и долги стараются отдавать. Лишь в одном из интервью в с. Тюково (Клепиковский р-н, Рязанская обл.) прозвучал рассказ об уклонении от возврата денег: «Тут одни без расписки, безо всего взяли в долг. Пришли у жены спрашивать. А она говорит, я у вас не брала. А он брал на строительство дома. А сама живет в этом доме. Не платили. Он сам ушел в могилу» (ПМА 1: с. Тюково). До 1920–1930-х гг. в некоторых селах сохранялась клятва-божба, выполнявшая отчасти функцию гарантийного обязательства, имевшего силу принуждения. В д. Ласицы (Сасовский р-н, Рязанская

обл.), когда крестьяне брали займы, божились: «Ей-Богу, отдам» (ПМА 3: д. Ласицы). Разумеется, в настоящее время божба не практикуется, ее заменяют честное слово и репутация заемщика, однако в сознании сельских жителей живет твердое убеждение в том, что «долги надо отдавать чем быстрее, тем лучше».

Договоренность о займе чаще всего заключают в устной форме. Вместе с тем, имеются указания на то, что на крупные суммы сельчане стали брать расписки. Судя по сведениям, собранным в мировых судах, сельчане, хотя и редко, подают иски о взыскании долга, причем, как правило, основываясь на расписках. Из интервью мирового судьи Кирсановского р-на Тамбовской обл.: «К нам в суд чаще обращаются с расписками. Самая большая сумма за истекший год — 22 тысячи. А в основном 5–7 тысяч. В основном, сугубо сельские жители. Часть вообще не признают, говорят, я уже тебе отдала. Когда есть расписки, взыскиваем с них. Много пенсионеров дает в долг. Они у нас народ более добродушный, т. е. могут и расписку не взять».

В случае невозможности возврата долга в денежной форме его отрабатывают. В с. Платоновка (Рассказовский р-н, Тамбовская обл.) практиковались следующие принудительные меры к должнику: «если с него взять нечего, а он какую-то сумму должен..., его заставляют отрабатывать...на сенокосе — скосить и перевезти это сено, поработать в лесу при заготовке леса или дров».

В долг берут главным образом деньги. Одалживание продуктов не слишком приветствуется, хотя женщины нередко обращаются к соседкам в связи с различными бытовыми нуждами. Жители села стараются поддерживать репутацию семьи — чтобы семья «незрячая» была, т. е. жила не зря, имела доброе имя. Поскольку состоятельность двора и его хозяйственная независимость в представлениях сельчан демонстрируют успешность семьи, оправдывают смысл ее существования, то женщины стараются соответствовать образу рачительной хозяйки. Тем самым они вносят лепту в формирование авторитета «незрячей» семьи. Из интервью в д. Фомино (Клепиковский р-н, Рязанская обл.): «Если не хватает граблей, иду и беру у соседки. Продукты питания не занимают. Были так воспитаны, что по соседям ходить — это нет. Старались, чтобы у нас было все свое. Братъ я, например, не люблю. Нет у меня такого понятия — ходить по соседям. Что уж я

совсем такая безалаберная приехала? Какая я хозяйка, если я за тем пошла к соседу, за этим? Зачем ходить к соседям? Бывает. Пошла к соседу: «Дядя Саша, забыла сигареты купить, дай, пожалуйста». Потом он (муж. – К. С.) съездит, привезет, отдаст» (ПМА 1: д. Фомино).

Нехватка наличных денег вынуждает жителей брать в кредит продукты в сельских магазинах. Здесь действует то же правило возврата, что и в долговых обязательствах между односельчанами: отдают либо после пенсии или зарплаты, либо после первого заработка. В государственных магазинах продукты в кредит не отпускают, но в последнее время в сельской местности развилась сеть частных коммерческих лавок, где продавщицы ведут «кондуиты», куда записывают имена должников и суммы их займов. В кредит продают пиво в местном кафе с. Шапкино (Мучкапский р-н, Тамбовская обл.): *«кто под зарплату, кто под скотину, под урожай»*, – при этом тоже составляют список должников. Иногда фиксацию их задолженностей ведут не по фамилиям, а по семейным прозвищам, распространенным в с. Шапкино до сих пор. Из интервью, взятого у хозяйки кафе, выяснилось, что она даже и не знает настоящих фамилий многих односельчан, т. к. привыкла называть их по прозвищам. Отпуская пиво в долг, хозяйка кафе учитывает сложившуюся репутацию клиента: *«кому можно давать, кому вообще нельзя давать, кому осторожно, кому там чего»*.

В небольших селах, где население наперечет, продавщицы обычно запоминают взявших продукты в кредит. Из рассказа продавщицы частной лавки в с. Ласицы (Сасовский р-н, Рязанская обл.), размещенной в сенях дома: *«Бабульки покупают хлеб, соль, макарончики. Получат пенсию, тут уж они пошевелиятся немножко. Песочка побольше, круп побольше. Бывает так. Скажет: “Ой, Ларис, пенсию через два дня принесут. Хлеб отпусти”. Люди свои. Даже за молоком придет, скажет: “Пенсию не принесли”. Да ладно уж тебе. Че ж тебе, умирать? Бабульки больно не разойдутся на свою пенсию» (ПМА 3: д. Ласицы).*

Бедность, по мнению сельчан, породила и такую разновидность договорных имущественных отношений, как совместное владение. Наиболее распространенной формой такого сотрудничества является совместный уход за коровой. Кооперируются преимущественно родственники, но встречаются и соседские объединения. О примере такой договоренности рассказала жительница с. Шапкино (Мучкапский р-н, Тамбовская обл.): *«Мы дер-*

жим корову с соседями. Она (соседка. – К. С.) живет напротив. Моя мама и она подруги с детства. Она осталась одна без мужа и предлжила нам. Нам одним тоже не хотелось, тяжело было. Мы решили на двоих. Сено заготавливаем вместе. Доим через день. Стоит у соседки. Мы за теленком ухаживали. А в этом году мы будем меняться: ее забираем, а теленок будет у нее. Мы как-то мирно с ней дружили много лет и решали эти вопросы быстро. Никаких конфликтов не возникало. Телка сдадим на мясо и деньги пополам. Это редко. Может, 3–4 таких случая на село. Держат совместно корову не только соседки. Есть и на разных улицах живут. В основном совместно владеют коровами пожилые женщины» (ПМА 10).

И все же имущественная несостоятельность или физическая немощь побуждают сельчан применять этот испытанный веками способ ухода за скотом. Совместное владение коровой бытовало в деревне и в XIX в., и на протяжении всего XX в. Следует отметить, что не последнюю роль в этой практике играет фактор традиции. Если в указанном выше с. Шапкино совместное владение коровой – редкость, то, по словам информаторов, *«есть села, где часто – Андрияновка, Сергеевка, Чечуново. Там держат многие на двоих, троих, даже четверых. У них заведено. Там живут более скученно»*. Аналогичные сведения получены и в с. Троица: на вопрос о наличии совместного владения коровой жители ссылаются на соседнее село Красильниково, где это явление получило более широкое распространение. В д. Кутуково Спасского района Рязанской области, где было много переселенцев, в 1970-е гг. одну корову держали на 12 семей.

Как правило, договорные отношения, связанные с уходом за коровой, носят мирный доверительный характер. Однако случаются и конфликты, переходящие в судебные разбирательства. В с. Демушкино (Сасовский р-н, Рязанская обл.) между жительницей села и сыном ее племянника после семилетнего совместного владения коровой разгорелась судебная тяжба по поводу несправедливого распределения «дохода». Источником взаимных имущественных претензий стала родившаяся телочка. Из интервью истицы: *«Целый год держала с сыном племянника корову на пополам. Свой вроде бы. Фамилия одна. Привел мне. Держала я 7 лет. Весь уход мой. Он приезжал за молоком. Сколько ему надо, столько и брал. А у меня телок был. Я телка поила и себе. Все шло обоюдно. Ну и пришел момент. Он приехал. Я думала, он какую корову возь-*

мет. Ту, которую приводил, такую и возьмет. А он взял и молоденькую. Я думала, свой, подумает, опомнится. Я ему говорю: «Отдай мою маленькую коровку, телочку, а корова твоя. И все будет в расчете». «Нет. Не отдам» (ПМА 3: с. Демущкино).

В ходе судебного рассмотрения дела столкнулись представления о праве собственности истицы и нормы официального правосудия. По мнению истицы, поскольку она осуществляла корм и уход за коровой, несла все расходы по ее содержанию («за пастушные платила, за воду платила, налог за нее платила, за луга платила, страховку платила»), то за 7 лет заработала владельческое право на родившуюся телку. Логика представителей судебных органов опирается на официальные бумаги родственника, подтверждающие его право собственности: «Бабуля, корова его, приплод его. А ты пиши, чего тебе за уход». «Бабуля» «рисовала десять ден»: «сколько каждый месяц корова давала молока, сколько телку поила, сколько он брал, сколько свеклы сажала. Все в деньги перевела. И его долю, сколько я молока съела, все в деньги перевела. Ходила в контору, сверялась, почем молоко... Должен он мне возместить эти убытки. Теперь отослала. Ну, думаю, там решат». К сожалению, нам неизвестно, чем завершилась эта история, но она со всей очевидностью указывает на традиционное восприятие крестьянами собственности, тесно связанное в их сознании прежде всего с личным трудовым участием и реальным вкладом в ведение домохозяйства. Ведь перераспределение имущественных долей в крестьянской семье (при разделе или наследовании) в прошлом опиралось на коллективную оценку трудового вклада каждого потенциального пайщика.

Совместное владение в сельской местности распространяется и на сельхозинвентарь. Так, в с. Шапкино (Мучкапский р-н, Рязанская обл.) было зафиксировано совместное владение трактором. Хотя трактор и оформлен на одного владельца, участвовали в его приобретении и эксплуатации двое. О широком бытовании такого рода межсоседских соглашений говорить не приходится по двум причинам: с одной стороны, техника в силу дороговизны недоступна широкому кругу населения, с другой стороны, сельчане предпочитают обзаводиться сельскохозяйственным оборудованием усилиями одной семьи. Так, со слов жительницы д. Аверькиево (Клепиковский р-н, Рязанская обл.), в их семье трактор был приобретен совместно с семьей дочери, а оформлен на зятя.

В сельскохозяйственном обороте деревни развиты обменные договорные отношения. Они распространяются не только на соседский круг, но и выходят на междеревенский уровень. Так, для того чтобы обменять корову, сельчане обращаются к владельцам более крупных сельхозпредприятий, которые забирают прежнюю корову и за доплату подбирают ей замену. Меновые отношения выходят и за пределы села и в случаях, когда в случае неурожая той или иной культуры сельчане восполняют ее дефицит путем натурального обмена на другие продукты с жителями соседних сел и областей. Так, в с. Новопанское (Михайловский р-н, Рязанская обл.), где преобладает торговля картофелем, жители меняли картофель на помидоры, привезенные из Тамбовской области.

Поскольку финансовые возможности сельчан ограничены, они используют потенциал собственного сельскохозяйственного производства и реализуют урожай путем обмена продуктов. Таким образом, товар поступает к покупателю, минуя денежный эквивалент. Обмен сельхозпродуктами «по мелочи» (например, яйца на молоко) или скотом и птицей постоянно сопровождает повседневный быт сельчан. Из интервью в с. Шапкино (Мучкапский р-н, Тамбовская обл.): «меняют телку на бычка. Телку берут на завод, а телка на мясо. Меняют сено на молоко. Обмениваются инвентарем. У кого косилка, у кого другой инвентарь. Инвентарем на время» (ПМА 10).

Наиболее распространен обмен урожаем: если у кого-то уродились помидоры, а у соседа, например, лук, они угощают друг друга, обмениваются урожаем со своих огородов. При этом соблюдается неписаное правило: если берешь семена или рассаду, необходимо отдать взамен мелкие деньги («медные денежки», «неразменную монету»). Оно коренится в представлении о взаимосвязи меня с будущим материальным благополучием семьи: «у нас такое поверье: дать нельзя, если продал, тогда у тебя будет водиться» (ПМА 6: д. Понизовье).

Итак, вопреки сложным социально-экономическим условиям и неизменному убыванию сельского населения (за счет превышения уровня смертности над уровнем рождаемости, а также миграции в город), по словам одного из респондентов, деревня «выживает за счет всевозможного» (ПМА 5: д. Мерлино). Не в последнюю очередь благодаря едва ли не основному своему ресурсу — самоорганизации, ориентированной на опыт. Специфика механизмов социальной коммуникации в сельской

среде заложена как самим характером сельскохозяйственного труда, требующим коллективного участия в нем, так и всем укладом деревенской жизни, покоящемся не на законодательных нормах, а на обычаях/традициях, – на коллективном опыте устного регулирования и разрешения многочисленных проблем деревенской жизни.

Изучение современной деревенской повседневности показало наличие в ней множества внутренних связей, взаимодействие которых осуществляется путем договора. Найм, купля-продажа, совместное владение, займ, ссуда, мена – все эти понятия, инструментализированные при сборе и обработке полевого эмпирического материала, разработаны в юриспруденции и принадлежат к ее узкоспециальному понятийному аппарату. Использование подобной «униформы» в классификации межличностных договоров современной деревни позволило рассмотреть в систематическом порядке некую совокупность отношений, выходящую за рамки учебников по правоведению, законодательных сборников, судебных приговоров и прочих источников сугубо юридического знания о праве. Эти неформальные и по большей части не фиксируемые в письменном виде, но имеющие нормативно-правовую основу соглашения и обязательства растворены в привычной для сельчан повседневности.

Как разновидности самих договоров, так и правила их соблюдения вырабатываются самой деревней в соответствии с условиями ее жизне-

деятельности. Во многом они обусловлены хозяйственными потребностями жителей. Интенсивность заключения и действия рассмотренных договорных соглашений напрямую зависит и от локализации, и от величины села, от его экономической активности и жизнеспособности. Исполнение договоров сопровождается набором специфических норм и установок, знание которых формируется в атмосфере и результате постоянного общения в среде длительного совместного проживания. Хотя эти нормы претерпевают изменения, в их трансформации наблюдается постоянный диалог с прошлым.

В отличие от XIX в. в настоящее время преобладающей формой общественного взаимодействия являются не коллективные, а межличностные или межсемейные/межсоседские контакты. Однако в условиях тесного соседства, где межличностное общение оказывается очень близким, реализация договора обеспечивается силой коллективного убеждения в необходимости выполнения его условий. Соционормативные коммуникации здесь имеют свои особенности, отличные от городских: «Село есть село. Все как одна семья и все друг друга знают» (ПМА 5: пгт. Красный). Здесь соблюдение взаимных обязательств подкрепляется не буквой закона, а прежде всего комбинацией межличностных и коллективных механизмов регулирования отношений. Собственно юридические способы обеспечения исполнения подобных соглашений используются редко и лишь в ситуации крайне острого конфликта.

Источники и материалы

Интернет-ресурсы – Интернет-ресурсы konstitucija.ru/1993/1/

ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция ИЭА РАН 2002 г. Рязанская обл., Клепиковский р-н.

ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиция ИЭА РАН 2002 г. Рязанская обл., Михайловский р-н, с. Новопанское.

ПМА 3 – Полевые материалы автора. Экспедиция ИЭА РАН 2000 г. Рязанская обл., Сасовский р-н.

ПМА 4 – Полевые материалы автора. Экспедиция ИЭА РАН 2004 г. Рязанская обл., Спасский р-н.

ПМА 5 – Полевые материалы автора. Экспедиция ИЭА РАН 2016 г. Смоленская обл., Краснинский р-н.

ПМА 6 – Полевые материалы автора. Экспедиция ИЭА РАН 2016 г. Смоленская обл., Руднянский р-н.

ПМА 7 – Полевые материалы автора. Экспедиция ИЭА РАН 2001 г. Тамбовская обл., Инжавинский р-н, пгт. Инжавино.

ПМА 8 – Полевые материалы автора. Экспедиция ИЭА РАН 2001 г. Тамбовская обл., Кирсановский р-н, с. Паревка.

ПМА 9 – Полевые материалы автора. Экспедиция ИЭА РАН 2003 г. Тамбовская обл., Кирсановский р-н.

ПМА 10 – Полевые материалы автора. Экспедиция ИЭА РАН 2001 г. Тамбовская обл., Мучкапский р-н, с. Шапкино.

ПМА 11 – Полевые материалы автора. Экспедиция ИЭА РАН 2001 г. Тамбовская обл., Рассказовский р-н, пос. Заболотские Выселки.

Научная литература

Вишневецкий А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998.

Пахман С. В. Обычное гражданское право в России: юридические очерки. Т. 1–2. Т. 1: Собственность, обязательства и средства судебного охранения. СПб.: тип. 2-го Отд-ния Собственной е. и. в. канцелярии, 1877.

Пахман С. В. Обычное гражданское право в России: юридические очерки. Т. 1–2. Т. 2: Семейные права, наследство и опека. СПб.: тип. 2-го Отд-ния Собственной е. и. в. канцелярии, 1879.

References

Pakhman, S. V. 1877. *Obychnoe grazhdanskoe pravo v Rossii: iuridicheskie ocherki* [Customary Civil Law in Russia: Legal Essays]. Vol. 1, *Sobstvennost', obiazatel'stva i sredstva sudebnogo okhraneniia* [Property, Obligations and Remedies]. St. Peterburg: tipografiia 2 Otdeleniia Sobstvennoi ego imperatorskogo velichestva kantseliarii.

Pakhman, S. V. 1879. *Obychnoe grazhdanskoe pravo v Rossii: iuridicheskie ocherki* [Customary Civil Law in Russia: Legal Essays]. Vol. 2, *Semeinye prava, nasledstvo i opeka* [Family rights, inheritance and guardianship] St. Peterburg: tipografiia 2 Otdeleniia Sobstvennoi ego imperatorskogo velichestva kantseliarii.

Vishnevskii, A. G. 1998. *Serp i rubl': Konservativnaia modernizatsiia v SSSR*. [Sickle and Ruble: Conservative Modernization in the USSR]. Moscow: Ob"edinennoe Gumanitarnoe Izdatel'stvo.

HERITAGE OF COMMON LAW IN THE RUSSIAN POST-SOVIET VILLAGE

